

МОЯ АРМЕЙСКАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Доктор технических наук В.Ф. ОЧКОВ
(НИУ “МЭИ”)

DOI: 10.7868/50233361922020045

*– Того не надобно; пусть в армии послужит.
– Изрядно сказано! Пускай его потужит...*

*Эпиграф, взятый А.С. Пушкиным для повести
“Капитанская дочка” из пьесы Я.Б. Княжнина
“Хвастун”*

Я окончил московскую школу в 1966 году. В вуз я не смог поступить, проработал год на заводе “Серп и молот” фрезеровщиком-зуборезчиком и в июне 1967 года загремел в армию, не успев попытаться ещё раз поступить в институт. А в школе я учился почти на одни пятёрки. Но в 1966 году в школах было два выпуска – десятиклассников (к коим я принадлежал) и одиннадцатиклассников. В вузы же, где по понятной причине конкурс вырос почти вдвое, предпочитали принимать одиннадцатиклассников, полагая, что у десятиклассников ещё будет шанс. Кроме того, я по-глупому “срезался” на письменной математике – перереволновался и при упрощении алгебраического выражения написал в ответе по ошибке единицу вместо нуля. Этого-то балла (злосчастной единицы) мне и не хватило для поступления в вуз. Но это отдельная история. И я не жалею, что не поступил в институт сразу после школы. Почему? Читаем эту статью до конца!

Немного о школе, которую я окончил. В те годы девятые и десятые клас-

сы были фактически элитными классами, куда попасть было довольно сложно. Так, в нашей школе из семи восьмых классов сформировали только два девярых, где чуть ли не половина – это те, кто окончил другие школы-восьмилетки и перешел в нашу школу. Из девятого класса многих отчислили – тех, кто не справлялся со школьной программой или вёл себя недостойно. В нашем 9 “А” классе к девочкам относились как к “благородным дамам”, мы читали друг другу стихи, обсуждали математические проблемы, далеко выходящие за рамки школьной программы. Было немыслимо произнести бранное слово или третировать слабого по какому-либо признаку. По национальному, например. Всего этого я хлебнул потом – уже в армии.

Попал я в сержантскую школу в Белоруссии¹, где получил специальность машиниста паровых котлов и в звании младшего сержанта был отправлен в Казахстан служить в должности начальника гарнизонной котельной.

¹ URL: https://rvsn.ruzhany.info/guest_index.html



Рис. 1.
Фото автора в 1967 году.

“Начальник котельной” – это громко сказано. В моём подчинении было три кочегара, а в самое холодное время года им на подмогу присылали двух подсобных рабочих, подвозивших в тачках уголь и отвозивших шлак и золу. Все мы были солдатами-срочниками. Всем было 19–20 лет (см. рис. 1). А учили нас в сержантской школе, честно говоря, плохо. Много времени уделялось “шагистике” (на плацу учили ходить “прусским шагом”, вытягивая носок) и политзанятиям (“СССР – оплот мира!”). Много времени уходило на “наряды” – на чистку картошки в столовой и мытье там посуды. А как разжигать газовый котел, чтобы не взорвать его, показывали “на пальцах”. Я “живую” котельную впервые увидел, когда уже окончил эту сержантскую школу. Всему пришлось обучаться уже на месте.

Часть наша стояла в голой степи. Все кадровые офицеры и старшины (прапорщиков тогда ещё не было) мечтали перевестись из этой “дыры”, где не было даже телевизоров, хотя бы в вышестоящую часть в Астраханской области (город Капустин Яр – Капяр). Всё это было полигоном ракетных войск. А наша в/ч в степи занималась телеметрией полётов ракет и поиском их упавших ступеней и головных частей. Котельная в этой части работала на угле. Его летом машинами завозили из Кузбасса. По памяти я воспроизвожу схему котельной – см. рис. 2. Паровой котёл был собран из отдельных чугунных литых Г-образных секций 1, подобных тем, из каких собирают батареи отопления в наших домах. По идее этот котёл должен быть водогрейным, но к нему сверху приделали барабан 2, куда по трубам из котла поступала пароводяная смесь. Пар отделялся и направлялся в бойлер 3, а вода по водоопускным трубам возвращалась в чугунные секции котла. Так осуществлялась естественная циркуляция воды и пара. Бойлер – это трубчатый теплообменник, куда в латунные трубки, впрессованные в трубные доски с отверстиями, насосом 6 нагнеталась из теплосети вода и откуда поступала в батареи отопления всей воинской части 7. Конденсат из бойлера сливался в бак 4, а из него насосом 5 возвращался в котёл, а также шёл на подпитку теплосети. Бак этот находился в подвале котельной. Потери теплоносителя восполнялись заливкой через точку 10 воды, доставляемой из большого колодца, расположенного недалеко от воинской части. Вода из колодца подавалась в котельную по трубопроводу или подвозилась на машине-возовозке. Были ещё два вентилятора,

гнавших воздух в топку котлов. Дымососов не было. Ограничивались естественной тягой, которую создавала железная двадцатиметровая труба, стоящая на стальных расчалках. Воздух в вентиляторы забирался из-под потолка котельной. Но в стужу это приводило к тому, что температура воздуха в котельной становилась нестерпимо

низкой. Кочегарам приходилось “кочегарить” в валенках, тёплых бушлатах и шапках-ушанках, завязанных под подбородком. Но и это не спасало от холода. Тогда кочегары переключали вентиляторы на забор воздуха не из котельной, а с улицы. Из-за этого лопасти вентиляторов покрывались сплошной коркой инея и переставали гнать воздух в топку котла. Что тут делать? Нужно было пережить эту стужу в котельной (странное словосочетание!), вернув забор воздуха с потолка котельной или умело сочетая два эти способа. Водогрейный котёл был переделан в паровой на случай аварийного отключения электричества. В такой ситуации нужно было в спешном порядке гасить топку котла (выгрести из него горящий уголь и раскалённый шлак, заливая всё водой) и подавать в котёл воду самотёком из специального бака, расположенного под потолком котельной (на рис. 2 он не показан). Водогрейный котёл в такой ситуации мог бы вскипеть и взорваться – развалиться на отдельные чугунные секции.

У паровых котлов не было предохранительных клапанов, а были специальные сифоны – U-образные стальные трубы, опускавшиеся в подвал котель-

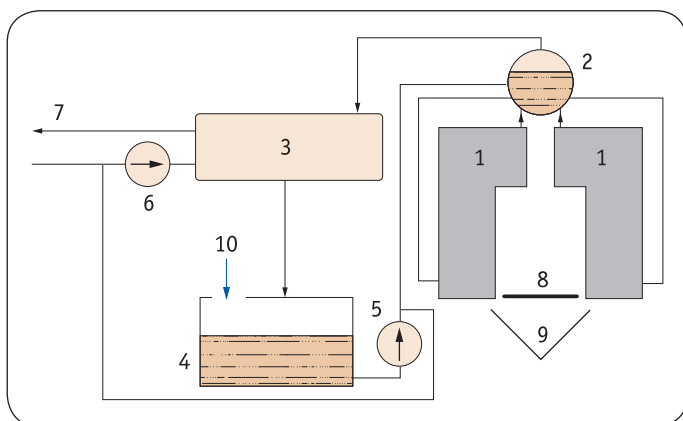


Рис. 2.
Схема котельной на 20-й отдельной испытательной станции (20 ОИС, в/ч 31926, село Новая Казанка Джангалинского района Уральской области):
 1 – чугунные литые Г-образные секции;
 2 – барабан; 3 – бойлер;
 4 – бак для конденсата; 5, 6 – насосы;
 7 – теплосеть; 8 – колосники; 9 – зольник,
 10 – добавочная вода.

ной и оканчивающиеся на её крыше в виде отвода в сторону земли. Другой конец этого устройства соединялся с паровой частью барабана котла. Если избыточное давление пара в котле превышало допустимое (1–2 метра водяного столба, 0.1–0.2 атмосферы), то конденсат, находящийся в нижней части U-образной трубы, “выплывался” наружу, и давление в котле падало. Далее пар конденсировался и снова запирает это экзотическое предохранительное устройство. Однажды кочегар перешёл работать на другой котёл, старый котёл затушил, но забыл перекрыть подачу питательной воды в него. Затем кочегар подпитывал водой работающий котёл, а заодно и простаивающий. Расположенный котёл переполнился, вода из его барабана стала поступать в предохра-

тельную U-образную трубу, а из неё на улицу. А там, как назло, поставили на ночь командирский уазик. Кочегар питает котлы и сверху поливает водой машину командира части. А на улице мороз! Утром хватились – не могут найти командирской машины. Решили, что её угнали покататься, съездить в Новую Казанку, но застряли и бросили машину в степи. Такое часто случалось. Потом заметили ледяную горку у стены котельной. Еле-еле машину из неё извлекли ломами и кирками. Командир части считал, что я всё это нарочно подстроил, чтобы ему насолить. Я, конечно, этого не делал, но... Вредный мужик был этот командир части, подполковник по фамилии Казанский. Он никогда не говорил доброго слова – только топал ногами, махал кулаками, матерился и грозил трибуналом, когда вызывал меня в штаб по поводу низкой температуры батарей в жилых и служебных помещениях. А каких усилий нам с кочегарами стоило просто поддерживать работу котельной, не заморозить её – это его не интересовало.

Электропитание котельной и всего гарнизона осуществлялось электрогенераторами, приводимыми в действие дизельными двигателями. Они находились в отдельном здании, расположенном недалеко от котельной. Однажды там запустили новый дизель-генератор и неправильно подключили фазы у электрических клемм. У меня в котельной от этого все насосы и вентиляторы стали вращаться в другую сторону, что недопустимо. Новый дизель нельзя было остановить и всё исправить, так как шли учения, "работы", как мы говорили: локаторы следили за летящей ракетой. Я быстро сообразил, что к чему, и временно переключил клеммы на щитовой котельной. Но

самое интересное случилось в столовой. Там повар начал готовить котлеты для офицеров, запихнул в электромясорубку мясо и не получил ни грамма фарша. Мясо пошло не в сторону ножей, а в редуктор, забив его полностью. Этот повар (тоже солдат-срочник) потом рассказывал, что он оторопел, когда не увидел вылезающего из мясорубки фарша. Он решил, что его обвинят в краже мяса.

Как-то раз дизелисты, говоря эзоповым языком, "слишком усердно праздновали новый год" и допустили резкие скачки напряжения. У меня из-за этого в котельной сгорели сразу два электродвигателя сетевых насосов, а запасные ещё раньше вышли из строя. А новый такой электромотор обещали привезти после новогодних праздников первым рейсом с "большой земли". Это значит, что через сутки вся воинская часть замёрзнет, все трубы теплосети полопаются, а я пойду под трибунал, который мне уже давно сулил командир части. Сетевые насосы теплосети – это как сердце у человека: остановилось – человеку конец. Что делать?! Отыскал я более или менее подходящий по размеру и мощности электродвигатель, установил, вернее, кое-как прикрепил его с помощью проволоки на станину насоса, запустил его и молил бога, чтобы он спас нас. Мотор работал, но начал греться. Тогда мы с кочегарами стали наполнять банный тазик снегом и ставить его на мотор. Центровка двигателя и насоса нарушалась, начиналась вибрация. Мотор отключали и снова центрировали всю эту шаткую конструкцию. Так и провозились мы с насосом двое суток, как мать с большим ребёнком, пока спецрейсом АН-2 из Капьяра не доставили исправный двигатель, а сгоревшие забрали на

перемотку. При разборе этой аварии нельзя было сказать, что мы, котельщики, не виноваты, что это всё дизелисты напортачили. Сразу прослынешь стукачом. А это самое позорное звание и в армии, и в тюрьме.

Был такой ежегодный ритуал. В часть приезжал инспектор, всех солдат выстраивали на плацу, и инспектор спрашивал: “Есть жалобы?”. Сзади инспектора стоял командир части и показывал всем огромный кулак!

И о питании. Не об электропитании, а о питании солдат. В столовой и в подсобном хозяйстве всё делалось руками солдат-срочников – пёкся хлеб, варились супы и каши, доились коровы, разводились свиньи, которые свободно гуляли по территории части, как по гоголевскому Миргороду, с визгом ожидая пищевых отходов из столовой. Скотину (даже привозимых коров) приходилось забивать и разделывать самим. Меня сначала послали помочь забить и разделать корову, а потом мне самому для этого дали в помощники солдата. Смотреть первый раз на это мне, городскому пацану, было крайне тяжело, а каково самому в этой “казни” участвовать! Мне долго потом снились глаза этой коровы...

Но вернёмся в котельную. За зимний отопительный сезон в дымоходах котлов накапливалось много золы, что снижало тягу в них и, следовательно, паропроизводительность. Приходилось ранней весной на два-три дня гасить котлы, давать им немного остыть и чистить дымоходы от золы. Был, конечно, риск заморозить теплотрассу, но на это приходилось идти, пользуясь короткой весенней оттепелью. Однажды мы для такой чистки разобрали кирпичную кладку в двух местах – у дымохода котла, расположенного у ос-

нования дымовой трубы, и в помещении котельной в задней части котлов. Вскрыли и сами испугались! Из этих отверстий-лазов вылетело огромное количество чёрных птиц, многие из которых были уже слепыми и метались в разные стороны, ударяясь о землю, стены и окна котельной. Что-то подобное можно увидеть в фильме Альфреда Хичкока “Птицы”. Это были скворцы, многие из которых лежали в дымоходах котлов уже мёртвыми. Птицы на весеннем перелёте с юга на север, в родные края почувствовали поток тёплого воздуха из трубы и, повинувшись какому-то инстинкту, ринулись в неё. Пришлось чистить дымоходы и от золы, и от птиц. После чистки дымоходов входы в них закладывались кирпичами с использованием раствора, замешанного на песке, огнеупорной глине и цементе. (Ещё одна рабочая профессия, которую я получил в армии, – это профессия печника.) Потом котлы снова разжигались, так как до конца отопительного сезона было ещё далеко.

Кстати, о розжиге котла. Если рядом работал другой котёл, то из него выгребали раскалённый шлак и закидывали его в топку пускаемого котла. Это называлось “дать котлу прикурить”. Но если оба котла были не растоплены, то по инструкции нужно было это делать так. Сначала необходимо было сжечь на колосниках топки котла дрова, а потом на образовавшиеся дровяные угли кидать каменный уголь, добываясь его возгорания. Но это довольно долгая операция, требующая помимо прочего, пилки и колки дров, которые в часть привозили за сотни километров в виде огромных кряжистых сучковатых брёвен. Котёл разжигали по-другому. Закидывали лопатой в топку котла на колосники уголь, поливали его

соляркой (дизельное топливо) и поджигали её. Солярку потом подливали кружкой из ведра, добиваясь возгорания угля. Один раз я увидел, что мой кочегар собирается разжечь уголь не соляркой, а бензином, и вовремя остановил его. Так можно было котёл взорвать. Да и соляркой разжигать котёл было довольно опасно. Именно так сожгли одно небольшое здание с печкой. Её разжигали вышеописанным способом – плеснули в печь солярку, но пролили её на пол. Из печки полыхнуло пламя и... А стены многих жилых домов и казарм в этой воинской части были сделаны из камышовых щитов, обмазанных глиной. Такие дома горели, как свечи. Только успевай высказывать из них.

О колосниках в топке котла. Я совсем недавно понял этимологию этого слова. Оно идёт от слова “колос”. В старину на деревянные колосники клали колосья хлеба, били по ним цепом, и зерно падало вниз сквозь колосники. Мои же колосники в котельной были литыми чугунными. Мы можем их увидеть в печке или камине на даче. Колосников в топке котла было больше сотни. Они лежали на специальной раме. Кочегару нужно было кочергой шуровать горящий уголь на колосниках, выковыривать из него куски спёкшегося шлака осторожно, не подцепив заодно и колосник, который мог провалиться в зольник топки. Колосники туда часто проваливались из-за того, что прогорали. В такой ситуации следовало гасить котёл и переходить к топке запасного. После того как аварийный котёл остынет, нужно было в него залезть через дверцу топки и установить новый колосник, сделав заодно ревизию других колосников. Но! На улице сорокаградусный

мороз и оба котла работают на полную мощность, остановить даже один из них нельзя. Что делать? Опять выручала пресловутая солдатская смекалка! Место около образовавшейся от падения колосника прямоугольной дырки расчищали от шлака и горящего угля. Новый колосник привязывали тонкой стальной проволокой на конец кочерги и, как стрелой крана, устанавливали колосник на нужное место. Один раз никак не удавалось сделать это. Потребовалось открыть зольник 9 (рис. 2), вычистить его хорошенько от горячей золы и... лезть в него, чтобы снизу направить колосник в нужное место. А для этого пришлось надеть ватные штаны и телогрейку, шапку с завязанными ушами и зимние солдатские рукавицы. Ведь во время такой “экспедиции в преисподнюю” на тебя сверху сыпались раскалённая зола и шлак.

У кочегаров и водителей, крутившихся зимой около котельной, гимнастёрки и шаровары (солдатские брюки-галифе) очень быстро пачкались, засаливались. Их стирали в бензине. Вода с мылом для этого не годились (так можно было стирать только портянки и нижнее бельё). Наливали в корыто бензин, полоскали в нём форменную одежду, а потом вешали просохнуть и проветриться. Это была, по сути, не стирка, а своеобразная химчистка. Летом это делали на открытом воздухе, а зимой в стужу – в котельной. Но бензин, взятый из бензобака машины, был очень холодный – с минусовой температурой улицы. Что-то полоскать руками в таком бензине было невозможно. Так вот что черти-кочегары придумали! Они кидали в топку котла какую-нибудь железяку, через некоторое время выковыривали её кочергой и бросали

в корыто с бензином. Это было искусство – определить нужное время выдержки железяки в топке котла. Недодержишь – бензин в корыте останется холодным. Передержишь – бензин вспыхнет, и огненное корыто пришлось цеплять кочергой и выволакивать из котельной на улицу. Пенные огнетушители в котельной были, но... Кочегары их разобрали, хорошенько вымыли изнутри, залили туда воды, положили сахар и дрожжи (взяли в пекарне) и для приготовления браги повесили на пожарном щите котельной. Кочегарам был положен дополнительный продовольственный паёк – белый хлеб, молоко из подсобного хозяйства и сахар. В котельной командование часто устраивало шмон – искали спиртное и другое запрещённое. Но в огнетушители никто не догадывался заглянуть. Странное дело – офицеры в части сами пили как лошади, но солдатам-срочникам этого не разрешали. Должен же кто-то быть трезвым! Хотя тем и другим было 18+.

Призывная армия в те годы, да отчасти и сейчас была по своей сути полутюрьмой, пережитком крепостного права с господами-офицерами и холопами-срочниками. Армия отличалась от тюрьмы лишь тем, что срочная служба в армии не оставляла пятна на биографии. Наоборот – гордились ею (как автор этих строк, например). А условия пребывания в армии зачастую были хуже тюремных. Тот же голод, холод, издевательство старшин и офицеров, пресловутая дедовщина... Кстати, об издевательствах. Завёлся в одной группе (так у нас назывались роты) старшина-садист, сверхсрочник, бывший лютый "дед". Что он проделывал с солдатами, рассказывать не стану. Один "невинный" пример: он через своих

друзжков из старослужащих, "дедов", обкрадывал солдат – заставлял их отдавать деньги, приходящие из дома почтовыми переводами. Тем, кто не отдавал, устраивал "весёлую" жизнь. Жаловаться начальству было бесполезно. Для начальства главное – чтобы ничто не выходило за пределы части. Этот старшина наконец-то перевёлся служить в Капустин Яр, но старые привычки не бросил. Садизм – он, как наркотик. А тут ещё и на новое место службы пришли вести о его "фокусах" из старой части. Но у солдат в Капьяре были друзья в городе – во время увольнительных знакомились. Солдаты попросили этих ребят немного "почитать" старшину и рассказали, за что. Старшину в городе так избили, что его пришлось комиссовать. Бившие оказались такими же садистами, как сам старшина.

В России, как известно, была абсолютная монархия, ограниченная не конституцией, а... удавкой. Вспомним Павла I, к примеру. Если монарх становился уж очень "абсолютным", то страдали не только его подданные, но и сам император – смертельно страдал. Чтобы покончить с этими "страданиями", были придуманы законы, ограничивающие монархию. Но в армии эти законы тогда и отчасти сейчас, увы, не работают.

Жил я не в казарме, а в самой котельной, так как приходилось ликвидировать мелкие и крупные аварии, которые по закону подлости (закон Паркинсона) чаще всего случались ночью. Новый командир части попытался было отправить меня спать в казарму. Но мои кочегары симитировали пару мелких аварий, заставивших всех, включая и командира, померзнуть ночью, и меня вернули в мою каморку

в котельной. Там под моей кроватью “для уюта” стоял ящик с тротильными шашками. Дело в том, что уголь около котельной хранился в виде высокого бурта, который зимой смерзлся. Кочегары в этой горе кирками проделывали пещеры, вырубая по-шахтёрски уголь и погружая его лопатами в тачки. Была опасность, что эти пещеры обвалятся и задавят людей. Вот мне и выдали тротильные шашки с запалами, чтобы я подрывал своды этих пещер. Мне повезло, что я не жил в казарме, где царил дедовщина – старослужащие издевались над молодыми солдатами, избивали и даже насильовали. Потом эти “салаги” становились “дедами” и издевались над новыми “салагами” – порочный круг замыкался. Были какие-то дикие ритуалы перевода “гусей” в “салаг”, а “салаг” – в “черпаков”, а “черпаков” – в “дедов” с нанесением тяжёлых моральных и физических травм. А затем такие душевно и физически изуродованные люди переносили эти дикие нравы на гражданку. Многие беды нашей страны происходили отсюда². Это одна из причин, почему от армии в то время стали “косить”. Переделывая Грибоедова, можно сказать: “Служить бы рад – дедовщину терпеть тошно!”. Поэтому-то в самом начале этого повествования я сказал, что “загрел в армию”, а не просто “пошел служить”.

Офицеры и старшины должны были по очереди ночевать с солдатами. Но этого они не делали, предпочитая просто запирали солдат на ночь в казармах. Вот тут-то и происходило всё страшное! В камерах тюрем были хотя бы глазки в дверях, через которые надзиратели могли заглянуть в казар-

му, пардон, в камеру. В Интернете я нашёл страшный рассказ санинструктора, который служил в моей части позже меня, в начале 80-х годов³. Дедовщина расцвела бурным цветом, когда из армии ушли последние офицеры и старшины, прошедшие войну (я их ещё застал). Они относились к солдатам как к своим детям, и пресекали дедовщину в корне. Новые же офицеры, не побывавшие на фронтах Великой Отечественной, смотрели на солдат как на быдло. Не все, конечно, но многие.

Однако вернёмся в котельную. Кочегар, подбрасывая уголь в топку котла и выгребая из него спёкшийся шлак, должен был по водомерному стеклу следить за уровнем воды в барабане котла и за давлением в теплосети. Давление в котле часто было ниже атмосферного. Если уровень воды и/или давление в теплосети становились низкими, то нужно было включить насос 5 (рис. 2), открыть соответствующий вентиль и пустить добавочную воду либо в барабан котла 2, либо в теплосеть 7. Требовалось также следить за температурой сетевой воды на входе в насос 6. Это был основной показатель качества работы кочегара, который записывался в особую тетрадь при сдаче смены. А длилась она восемь часов. Кочегар прерывал её только на поход в столовую. В это время я подменял кочегара. Кочегаров набирали из солдат с помощью “пряника” – обещали им дополнительное питание, десятидневный отпуск на родину после проведения успешного отопительного сезона и дослуживание в части на “сачковой” должности: в хлеборезке, на продовольственном или вещевом складе.

² URL: www.twt.mpei.ac.ru/ochkov/Army.htm – см. здесь мои мысли по этому поводу.

³ URL: <https://proza.ru/2018/06/30/680>. Почитайте – и ахнете!

“Кнутом” загонять солдата работать кочегаром было неразумно. Работа уж очень ответственная. Доверить её разгильдяю было довольно опасно.

Из теплосети горячую воду часто без спросу отбирали для мытья и стирки. Когда в колодце воды было достаточно, это не было проблемой. Но были периоды, когда воды в колодце едва хватало. Тут издавался приказ о запрете отбора воды из теплосети. Но это не помогало. Тогда мне давали бумажки с гербовой печатью части и приказывали опечатать все вентили на воздушниках теплосети. Я обматывал вентиль веревочкой, прижимал её концы к стене и приклеивал бумажкой с печатью. Воздушники находились под потолком помещений и служили для выпуска воздуха из теплосети при заполнении её водой. Несанкционированный отбор воды был опасен и тем, что теплосеть могла “наглохнуть” воздуха, и в ней образовались бы воздушные пробки, нарушающие циркуляцию. Это нередко приводило к тому, что трубы и радиаторы отопления замерзали и лопались. В казармах и служебных помещениях опечатка воздушников шла без проблем. Но вот в домах семей офицеров приходилось многое повидать. Во-первых, поражало то, что некоторые офицерские жены ходили передо мной в neglige. Сразу вспоминались римские матроны, купавшиеся нагими в присутствии своих рабов. А солдаты-срочники и были некими полурабами. С другой стороны, были и попытки, как сейчас говорят, женского харасмента – мужа-то дома нет, он на службе... Но меня, москвича, больше всего поражал быт в этих домиках – на кухне керосинка, туалет на улице, душа или ванны нет и т.д. и т.п. А на руках у многих молодых женщин грудные дети. Ис-

тинно сказано в одном фильме: “Чтоб генеральшей стать, надо за лейтенанта замуж выйти, да помотаться с ним по гарнизонам лет двадцать, по тайге всякой, по пустыне!”. По дикой казахской степи, добавил бы я.

Около котельной была солдатская баня, которую я топил два раза в неделю: барбатировал (побулькивал) пар в специальном баке с водой под потолком котельной (он не показан на рис. 2), откуда горячая вода самотёком поступала в баню. В баню приезжали вольнонаёмные женщины-казашки и стирали там солдатское постельное бельё. Я их также снабжал горячей водой. Поэтому котлы приходилось топить даже летом с месячным перерывом на ремонт. Мои же кочегары после смены мылись так. За котлом стояла ванна, которую перед купаньем нужно было вымыть серной кислотой (она использовалась для автомобильных аккумуляторов, а дистиллированную для них воду готовил я в котельной из пара). Затем в ванну “продувалась” вода из котла и совершалось “омовение” кочегара. Там и я предпочитал мыться. Про эту ванну знали многие в части и приходили ко мне искупаться. В бане же было не мытьё, а мучение, да и работала она, как уже сказано, не каждый день. А проблема солдатской гигиены была очень острой – часто были вспышки дизентерии. Село Новая Казанка, находившееся недалеко от части, называлось новой потому, что Старую Казанку пришлось сжечь дотла из-за вспышки бубонной чумы. “Градообразующим предприятием” этого села был так называемый Противочумный отряд – заведение здравоохранения, следившее за эпидемиологической обстановкой в округе. Там тоже была небольшая котельная, и я взаимовы-

годно дружил с её начальником-казачом. Мы обменивались запчастями для котельных, я ему привозил очень ценные в тех местах дрова, он мне устраивал небольшие пирушки с бишбармаком – вкуснейшим блюдом казахской кухни. Закалывал для этого “жирного тельца” – молодую овечку. Котельная в этом селе отапливала только здания Противочумного отряда. В остальных домах жгли в печках кизяк – высушенную смесь соломы и овечьего помёта. Такой же примерно состав был и у саманных кирпичей, из которых строились дома. В домах почти не было мебели – сидели и спали на глинобитном полу, покрытом войлоком. Экзотика! Сейчас специально строят для туристов такие экодеревни.

Бак для конденсата 4 (рис. 2) в подвале котельной был в виде прямоугольного параллелепипеда, на верхней поверхности которого спали кочегары, не желая идти в казарму. Там же вповалку спали и водители машин, припаркованных у котельной. Дело в том, что зимой на ночь воду из машин приходилось сливать. Об антифризах в системах охлаждения двигателей тогда и не знали. Утром же завести машину в мороз было большой проблемой. Без горячей воды тут не обойтись. Эту воду (почти кипяток) черпали вёдрами из бака в подвале котельной и заливали в радиаторы машин. На этом баке спал и водитель машины-водовозки, подвозившей воду из колодца в котельную, столовую и другие места воинской части. Я сам часто садился за руль ЗИЛ-157 и ехал за водой. Был и трубопровод от колодца до котельной, но он зимой нередко замерзал. А колодец был устроен так. Над ним была построена саманная будка, в которой был забетониро-

ванный приямок глубиной метра два, а на его дне был установлен вихревой насос. Весной в паводок этот приямок заливало водой. Поэтому электродвигатель насоса хранили наверху, а сам насос оставляли внизу. Если мне нужна была вода в котельной, то я шёл к этому колодцу и видел, что приямок полностью залит водой. Что я делал?! Я “спускал на воду” надутую камеру от ЗИЛа, вертикально устанавливал на ней с помощью подручных средств (палочки-верёвочки) другой насос, включал его в сеть и выкачивал из приямка воду. Затем нужно было одному по крутой лестнице спустить вниз довольно-таки тяжёлый электродвигатель, установить, отцентровать и подключить к сети. Резиновые цилиндрики, вставлявшиеся в муфты насоса и двигателя я вырезал из каблучков старых сапог. Далее приходилось воздушным компрессором, снятым со списанного ЗИЛа, подсасывать воду к вихревому насосу и включать его. После того как специальный бак в котельной наполнялся (мне кочегар махал флагом с крыши котельной), вихревой насос выключался, а его электродвигатель поднимался из приямка наверх. И все эти операции по включению и выключению насосов проводились “по колено в воде”. Как меня там и в других подобных местах током не убило, я не знаю. Мать дома за меня много и усердно молилась! И таких эпизодов, когда приходилось рисковать своим здоровьем и даже жизнью, было много. Но я понимал, что если посреди суровой зимы котельная встанет, то вся часть замёрзнет.

В целом мне повезло со службой в Советской Армии. В боевую часть я не попал по слабости зрения, а ока-

заялся на “хозработы” в части, где я занимался интересным и полезным делом и самоучкой приобрёл много специальностей: кочегар, зольщик-подвозчик, слесарь по металлу, плотник, слесарь-сантехник, подрывник, газо- и электросварщик, электрик, шофёр. Конечно, на этой работе было бы разумнее держать вольнонаёмного квалифицированного человека. Но ему нужно платить зарплату, создавать более или менее приемлемые производственные и бытовые условия. Проще использовать полурабский труд бесправных солдат-срочников, здоровьем и жизнью которых мало кто дорожил. Погибнет, потеряет здоровье – не беда! Бабы ещё нарожают!

После армии я, естественно, пошёл учиться в МЭИ на теплоэнергетический факультет. И никакой практики ни на каких электростанциях мне не нужно

было проходить. Я сам мог кое-кого кое-чему научить. Когда меня после окончания института с красным дипломом оставили в аспирантуре, я сам своими руками соорудил себе экспериментальный стенд, в который поступал пар из ТЭЦ МЭИ. Здесь очень пригодились трудовые навыки, полученные в армии. А во дворе МЭИ была свалка, где можно было найти всё для опытного стенда – стальные уголки, трубы и прочее.

Сейчас мне, уже пожилому профессору МЭИ, в страшных снах является моя армейская котельная, в которой я героически (не побоюсь этого слова) провёл два своих молодых года. Снится мне, будто бы моя любимая котельная взорвалась посреди лютой зимы, а меня самого отдают под трибунал, которым мне часто грозил самодур-командир части.



naukapublishers.ru

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Рисунок на коже
Все виды тиснения
Кожаный переплет
Рельефное тиснение
Клише любой сложности
Полноцветная роспись обзоров
А также адресные папки, дипломы, футляры

Берёмся за работы любой сложности!

По всем интересующим вопросам пишите на почту kiseleva@tnauka.ru

реклама

“Энергия: экономика, техника, экология” 2/2022